

*Научная статья**Научная специальность*

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2026.3.13>

ПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2026

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Предпринимается попытка проследить развитие нормы о посредственном причинении в советском уголовном законодательстве и праве. Сделан вывод, что в первые годы существования Советского государства и права норма о посредственном причинении практически не получила своего развития в силу целого ряда причин: отсутствия законодательного закрепления, отрицания «буржуазного» правового наследия, политического усиления карательной составляющей института соучастия. Установлено, что впоследствии норма о посредственном причинении постепенно вновь возвращает к себе исследовательский интерес, до 60-х гг. XX в. упоминания о посредственном причинении носят фрагментарный и несистемный характер. Определено, что только начиная с исследования М. И. Ковалева посредственное причинение начинает вновь восприниматься как юридическая конструкция, требующая своей дефиниции, характеристики, выделения видов по различным основаниям деления, определения места (локации) в учении о совместном совершении преступления. Выявлены серьезные споры среди исследователей, которые вызывали некоторые основания посредственного причинения. К ним, в частности, отнесены неосторожная форма вины лица, которую используют для умышленного совершения преступления, и привлечение для выполнения объективной стороны состава специальным субъектом общего субъекта. Сделан общий вывод о том, что в 80-х гг. посредственное причинение в теоретических разработках советских ученых начинает размежевываться с учением о соучастии, приобретая статус юридического явления, кардинально отличающегося от соучастия.

Ключевые слова: посредственное причинение, соучастие, совместное совершение преступления, А. А. Пионтковский, М. И. Ковалев, Р. Р. Галиакбаров.

INDIRECT CAUSATION IN SOVIET CRIMINAL LAW

© Georgievsky E. V., Kravtsov R. V., 2026

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

In this article, the authors attempt to trace the development of the norm of indirect causation in Soviet criminal legislation and law. They conclude that in the early years of the Soviet state and law, the norm of indirect causation saw virtually no development due to a number of factors: the lack of legislative codification, the rejection of the “bourgeois” legal heritage, and the political strengthening of the punitive component of the institution of complicity. Subsequently, the norm of indirect causation gradually regained scholarly interest. Until the 1960s, references to indirect causation were fragmentary and unsystematic. Only beginning with the research of M. I. Kovalev did indirect causation begin to be perceived again as a legal construct requiring its own definition, characterization, the identification of types based on various grounds for division, and the determination of place (location) in the doctrine of joint commission of a crime. Some of the grounds for indirect causation have generated considerable debate among researchers. These include, in particular, the reckless form of guilt, which is used to intentionally commit a crime, and the involvement of a general subject in the execution of the objective element of the crime by a special subject. In the 1980s, indirect causation began to be differentiated from the doctrine of complicity in the theoretical developments of Soviet scholars, acquiring the status of a legal phenomenon fundamentally different from complicity.

Keywords: indirect causing, complicity, joint commission of a crime, A. A. Piontkovsky, M. I. Kovalev, R. R. Galiakbarov.

Вопросы, касающиеся посредственного причинения, на достаточно систематической основе рассматривались в русском до-революционном уголовном праве. В советский период развития уголовного права ситуация не была столь однозначной. Во-первых, в совет-

ских уголовных законах не было какого-либо упоминания о посредственном причинении. Во-вторых, в советский период развития уголовного права, особенно в первые десятилетия, господствовала идея своеобразного «правового нигилизма», которая практически полностью

отрицала какие-либо достижения «буржуазного» права. В-третьих, в учении о соучастии в первые годы советской власти укрепилась концепция расширительного толкования соучастия, в соответствии с которой соучастием являлось не участие в совершении преступления, а преступная деятельность, обусловленная широким представительством видов соучастников, к которым относились в том числе и лица, прикосновенные к совершению преступления. Это последнее обстоятельство определяло общий подход к усилению уголовно-правовой репрессии и нивелирование каких-либо попыток разработки положений, индивидуализирующих ответственность.

И тем не менее норма о посредственном причинении, пусть и фрагментарно, продолжала разрабатываться в трудах советских криминалистов. Значимой вехой в этом направлении являлось принятие и вступление в силу первого советского Уголовного кодекса в 1922 г. В основном в первые два десятилетия существования Советского государства упоминание о посредственном причинении осуществлялось в учебниках по Общей части уголовного права и комментированных кодексах.

В 1923 г. в свет вышел учебник С. В. Познышева. Вопрос о посредственном причинении ученый рассматривает в аспекте неудавшегося подстрекательства. Перечисляя возможные способы подстрекательства, к которым ученый, в частности, относит: прямой словесный уговор, жесты, знаки, увещания, обещания и конклюдентные действия, С. В. Познышев уточняет, что, во-первых, подстрекательство должно сознательно определять лицо к совершению преступления, при этом неважно, с прямым или косвенным умыслом осуществляется подобное склонение. А во-вторых, это должно быть склонение к определенному, пусть и в общих чертах, преступному поведению, а не к определению нравственной позиции лица относительно преступного образа жизни. А далее исследователь пишет: «И угрозы могут быть средством к подстрекательству, однако если они не переходят в тот вид преступления против свободы, который называется принуждением, или если они не создают состояния необходимости, извиняющего совершителя преступления. В противном случае подстрекатель должен отвечать как исполнитель» [13, с. 152].

Отличает соучастие от «посредственного учинения» Э. Я. Немировский. Практически сразу же, определяя соучастие, ученый говорит

о том, что если привлекаемое лицо действует неосторожно или оно невменяемо, то отсутствует и соучастие, а привлекающие в этом случае сами становятся посредственными учинителями [10, с. 125]. А далее исследователь пишет, что средства подстрекательства могут быть самыми разнообразными ровно до тех пор, пока они не устраняют ответственности исполнителя. В этом последнем случае ситуация превратится в «посредственное совершение» [Там же, с. 130].

А. А. Пионтковский посредственному причинению в своем учебнике посвящает почти полстраницы. Однако ученый рассматривает этот вопрос в аспекте ознакомления читателя с позициями буржуазных ученых. Тем не менее исходя из стилистики изложения материала можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что сам исследователь придерживается именно этих позиций. «Посредственное виновничество», по мнению А. А. Пионтковского, будет тогда, когда совершенное преступное деяние не может быть вменено исполнителю в умышленную вину или в вину вообще. И в этом мнение А. А. Пионтковского коренным образом отличается от позиции Э. Я. Немировского, полагающего, что наличие неосторожной формы вины в действиях привлекаемого к совершению преступления лица не исключает ситуации посредственного причинения. А. А. Пионтковский относит состояние невменяемости привлекаемого лица, а также применение к нему такого способа привлечения, как психическое или физическое принуждение. Кроме того, ученый чуть позже упоминает и ребенка [12, с. 184]. В этих случаях, по мнению исследователя, привлекаемое к совершению преступления лицо будет являться лишь орудием в руках привлекающего лица, а причиненный преступный результат будет подлежать вменению не только лицу, склонившему к совершению деяния (А. А. Пионтковский именует его подстрекателем), но также и лицу, которое содействовало совершению такого деяния привлеченным лицом (т. е. фактически речь идет о пособнике в терминологии исследователя). Затем А. А. Пионтковский делает общий вывод о том, что ни подстрекательство, ни пособничество к неосторожно совершенному деянию не образуют соучастия, а должны рассматриваться исключительно как ситуации посредственного виновничества [Там же, с. 183].

Не обходит стороной посредственное причинение и А. А. Жижиленко. Комментируя ст. 16, определяющую виды соучастников, и рассма-

тривая конкретно подстрекателя, исследователь пишет, что способ, которым подстрекатель склоняет другое лицо к совершению преступления, значения не имеет. Самое главное, чтобы этот способ не превратил склоненное лицо в слепое орудие в руках подстрекателя, что, например, может быть вызвано в случае, если человек будет признан сумасшедшим [20, с. 44].

Позже, в канун Великой Отечественной войны, посредственное причинение начинает рассматриваться в монографических исследованиях. Рассуждает о посредственном причинении в аспекте специальных вопросов соучастия А. Н. Трайнин. В частности, исследователь рассматривает эту проблему в тесной связи с соучастием в неосторожном преступлении. По мнению автора, соучастия в случае, если умышленно действующее лицо склоняет лицо, действующее неосторожно, не будет. Но не потому, что сама по себе неосторожная форма вины немыслима в соучастии, а потому, что нет необходимых признаков соучастия. Подлинным совершителем преступления в случаях, когда к совершению преступления привлекают неосторожно действующее лицо, или ребенка, или душевнобольного, или здорового взрослого, но действующего без умысла или неосторожности, будет являться тот, кто использовал данных лиц в качестве орудия совершения преступления [16, с. 111–112].

Согласно данным М. М. Исаева, институт соучастия в советском уголовном праве за период Великой Отечественной войны никаких изменений не претерпел [14, с. 6]. Не меняется в послевоенные годы в теории уголовного права и подход к определению локации посредственного причинения. Его продолжают преимущественно рассматривать в аспекте неудавшегося подстрекателя. Так, в частности, в учебнике по Общей части уголовного права 1950 г., авторами которого были В. Д. Меньшагин и З. А. Вышинская, утверждается, что склонение к совершению преступления душевнобольного или малолетнего лица должно рассматриваться не как подстрекательство, а как использование указанных лиц в качестве орудия совершения преступления. И в этом случае склонивший сам должен отвечать за совершенное преступление как исполнитель [9, с. 149]. Необходимо отметить, что указанными авторами фраза «посредственное причинение» не используется вообще. Да и терминология свидетельствует о том, что данное явление понимается не как самостоятельная юридическая конструкция, а как своеобразное исключение из вида соучастника.

В учебниках по Общей части уголовного права, изданных в 1943, 1948, 1950 и 1970-х гг., автором глав о соучастии в которых являлся А. А. Пионтковский, о посредственном причинении говорится уже в аспекте действующего советского уголовного права, а не при историческом рассмотрении права зарубежного. Но упоминается о посредственном причинении очень лапидарно, в основном применительно к неудавшимся действиям подстрекателя или пособника. А. А. Пионтковский отмечает, что при подстрекательстве или пособничестве действиям лиц, которые не подлежат уголовной ответственности, соучастия не будет, а значит, не будет и подстрекательства с пособничеством. Посредственное виновничество, которое будет в данном случае, необходимо рассматривать как «совершение преступления посредством ненаказуемых действий других лиц» [18, с. 196].

П. И. Гришаев и Г. А. Кригер существенно меняют подход к посредственному причинителю, рассматривая его в рамках фигуры исполнителя. Оппонируя А. Н. Трайнину, они отмечают, что исполнителя нельзя рассматривать исключительно как фигуру, которая является «непосредственным физическим автором преступления». «Между тем, – пишут указанные авторы, – возможны случаи, когда исполнитель прибегает к так называемому посредственному причинению (использованию невиновных действий другого лица, действий подростка, не достигшего требуемого для уголовной ответственности возраста, или, наконец, действий невменяемого). В этих случаях, хотя “физического авторства” нет, но лицо, воля которого выполняется, выступает именно в роли исполнителя преступления» [4, с. 136–137].

Однако, возможно, в силу определенной историко-правовой инерции П. И. Гришаев и Г. А. Кригер упоминают также о посредственном причинителе, но уже в аспекте подстрекательских действий. Рассуждая о возможности сознательного решения вопроса о своем участии в совершении преступления подстрекаемого лица, указанные авторы отмечают, что использование для совершения преступных действий невменяемого лица или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, лица, действующего под гипнозом, физическим или психическим принуждением, лишаящим возможности осознавать свои действия и ими руководить, не будет являться подстрекательством. Подобное необходимо рассматривать как посредственное причинение. Как посредственное причинение

необходимо рассматривать также ситуацию, когда для совершения преступления лицо вводит в заблуждение относительно характера совершаемых действий [4, с. 144–145].

В еще более широком аспекте рассматривает посредственное причинение М. И. Ковалев. Согласно его точке зрения, посредственное причинение не может образовывать соучастие в преступлении, так как соучастие предполагает участие в преступлении вменяемых лиц. Поэтому, когда орудием в руках субъекта оказывается ребенок, душевнобольной, соучастия не может быть. В равной степени, как отмечает М. И. Ковалев, соучастия не будет и тогда, когда в качестве орудия совершения преступления используются лица, находящиеся под влиянием непреодолимой силы или под воздействием физического принуждения, которое исключает какую-либо возможность действовать волевым образом [7, с. 132]. Далее М. И. Ковалев делает очень важное замечание, ставшее впоследствии доктринальным положением, применяемым и сегодня в правоприменительной практике. «Что касается физического насилия, – пишет он, – при котором, хотя и оказывается давление на волю субъекта, но, однако, последняя не парализуется полностью, то вопрос о привлечении принуждаемого в качестве соучастника или освобождении его от ответственности должен решаться по правилам о крайней необходимости» [Там же, с. 133].

Во второй части своей работы М. И. Ковалев отмечает, что с посредственным причинением сложилась критическая ситуация, так как данный институт практически не исследовался в теории советского уголовного права. Под посредственным причинением, согласно мнению ученого, следует понимать использование в качестве орудия преступления другого человека. Посредственное причинение, так же как и непосредственное исполнение преступления одним лицом, а также использование с целью совершения преступления предметов или животных, необходимо относить именно к исполнению преступления [8, с. 14]. «Посредственное причинение, – пишет М. И. Ковалев, – представляет собой своеобразное выполнение объективной стороны состава преступления, при котором в качестве инструмента используется человек. Все остальные элементы состава преступления, характеризующие другие его признаки, для посредственного причинителя остаются теми же, что и для непосредственного» [8, с. 16].

Практически сразу же М. И. Ковалев достаточно четко определяется в своем исследовании

и относительно локации института посредственного причинения, полагая, что он должен рассматриваться именно в разделе об исполнении преступления. Посредственное причинение будет не только тогда, когда лицо возбуждает у другого лица решимость совершить преступление, но и тогда, когда привлекающий содействует лицу, не подлежащему уголовной ответственности, чтобы использовать наступившие последствия в своих целях. А потому, как полагает М. И. Ковалев, это не суррогат подстрекательства или пособничества, а вполне самостоятельные действия, сходные с подстрекательством или пособничеством. Исходя из аксиомы о том, что человек действует сознательно и волевым образом, М. И. Ковалев называет обстоятельства, при которых такого сочетания может не быть и, значит, лицо может быть использовано в качестве орудия совершения преступления посредственным причинителем. К ним он относит: а) причины, заложенные в самом лице (несубъектность); б) ошибку в характере совершаемых действий (правда, М. И. Ковалев говорит все-таки об ошибке в основных элементах состава); в) физическое или психическое насилие, заставившие лицо действовать помимо его воли и желания; г) особые отношения между привлекающим и привлекаемым, обусловленные необходимостью второго действовать зависимо от первого (приказ) [Там же, с. 18].

Совершенно однозначно посредственное причинение как юридическое явление, тесно примыкающее к подстрекательству, охарактеризовывал Ф. Г. Бурчак. Согласно его мнению, посредственное причинение представляет собой «своеобразное выполнение объективной стороны состава преступления через действия другого лица, используемого как инструмент осуществления преступных намерений посредственного причинителя» [2, с. 168]. Для того чтобы признать лицо посредственным виновником совершенного преступления, необходимо, чтобы оно осознавало, что для выполнения объективной стороны состава преступления оно привлекает невменяемого, малолетнего, действующего невиновно или по неосторожности [Там же, с. 163]. Кроме указанных оснований Ф. Г. Бурчак признавал также физическое или психическое принуждение, которое не оставляет лицу свободы выбора поведения и приказ [Там же, с. 167–168]. В то же время, как полагает ученый, не может быть посредственного причинения, если лицо добросовестно заблуждается относительно наличия вышеперечисленных ос-

нований, в этих случаях речь может идти только о покушении на подстрекательство [2, с. 163].

А. Ф. Зелинский рассматривает фигуру посредственного причинителя и в аспекте исполнительских действий, и в аспекте действий подстрекателя, и в аспекте действий пособника. Исполнителем, согласно точке зрения А. Ф. Зелинского, является не только лицо, виновно выполняющее объективную сторону состава преступления, но также и тот, кто совершает преступление, используя других лиц, которые в силу своих личных качеств или иных обстоятельств, исключающих умышленную форму вины, не могут рассматриваться как исполнители данного преступления. К этим личным качествам и обстоятельствам ученый относит: невменяемость; недостижение возраста уголовной ответственности; состояние заблуждения, исключающее умышленную вину; состояние крайней необходимости, вызванное физическим или психическим насилием; обязательный приказ [6, с. 15–16].

Что же касается подстрекателя и пособника, а также их соотношения с фигурой посредственного причинителя, то в первом случае А. Ф. Зелинский отмечает несостоятельность подстрекательства в случае отсутствия ответственности фактического исполнителя, а во втором – отсутствие пособничества при тех же условиях, касающихся фактического исполнителя. Во всех этих случаях речь идет о «посредственном исполнении», «посредственном виновничестве», «посредственном причинении» [6, с. 20–21].

Категорически отрицает А. Ф. Зелинский наличие посредственного причинения в ситуациях, когда одно лицо без ведома другого оказывает последнему содействие в совершении преступления. Исследователь приводит пример, в соответствии с которым лицо, например, незаметно для убийцы подбрасывает ему нож, которым впоследствии убийца и воспользовался. В этом случае, по мнению А. Ф. Зелинского, посредственного причинения быть не может именно потому, что в науке уголовного права в это понятие вкладывается совершенно иное содержание [Там же, с. 13].

Одним из первых советских исследователей, который не просто упоминает в своей работе о посредственном причинении, но и предлагает изменение в уголовное законодательство, позволяющее закрепить это юридическое явление, был П. Ф. Тельнов. Ученый отмечает не совсем удачную формулировку исполнителя в ст. 17 УК РСФСР 1960 г., в соответствии с которой испол-

нителем признавалось лицо, непосредственно выполнившее преступление. Непосредственное выполнение, по мнению П. Ф. Тельнова, исключало возможность посредственного причинения вреда. Собственно, самим посредственным причинением исследователь считал умышленное использование для выполнения объективной стороны преступления другого невиновного лица либо лица, действующего по неосторожности.

К основаниям посредственного причинения П. Ф. Тельнов относит: а) малолетнего; б) невменяемого; в) лицо, действующее под влиянием физического насилия, угроз или приказа, если воля принуждаемого полностью подавлена; г) лицо, действующее в условиях ошибки, исключающей его ответственность; д) лицо, действующее по неосторожности [15, с. 75].

Рассуждая о необходимости изменения ст. 17 УК РСФСР 1960 г., П. Ф. Тельнов отмечает, что непосредственность действий исполнителя, т. е. выполнение состава непосредственно своими действиями, не исчерпывает всех возможных вариантов причинения вреда исполнителем, который может действовать и опосредованно. Вот что он пишет по данному поводу: «Понятие непосредственного совершения может означать только выполнение объективной стороны собственными деяниями, лично. Посредственное исполнение выходит за его пределы. Обнаруживается частичное несоответствие между формой закона и реальным содержанием регламентируемых отношений. Суть его в том, что понятие непосредственного совершения преступления неполно отражает встречающиеся в практике способы выполнения объективной стороны посяательства» [Там же, с. 77].

А далее исследователь говорит о том, что подобная неполнота, конечно же, могла бы быть восполнена толкованием закона, но любые известные способы толкования норм права не могут представить посредственное исполнение деяния в качестве непосредственного. Именно поэтому насущно назрела необходимость уточнить законодательное определение роли исполнителя. П. Ф. Тельнов при этом ничего не говорит о том, что подобного рода несоответствие при толковании закона фактически может быть преодолено только с помощью уголовно-правовой фикции. Что же касается посредственного предложения об изменении нормы об исполнителе в уголовном законе, то, по мнению П. Ф. Тельнова, она должна выглядеть следующим образом: «Исполнителем призна-

ется лицо, которое полностью либо частично, непосредственно либо путем умышленного использования другого невиновного или неосторожно действующего лица выполнило деяние, предусмотренное статьей Особенной части Уголовного кодекса» [15, с. 78].

Отличает П. Ф. Тельнов посредственное причинение и от соучастия. Несмотря на видимость схожести посредственного причинения и соучастия, первое не обладает признаками соучастия и является «замаскированным средством исполнения замысла соучастников». Соучастием посредственное причинение становится тогда, когда для выполнения объективной стороны состава привлекается лицо, не подлежащее уголовной ответственности, не одним лицом, а, например, двумя. В этом случае оба привлеченных невиновных лица по отношению друг ко другу будут являться соисполнителями, т. е. фактически соучастниками. То же самое касается и ситуации, когда одно лицо привлекает, а другое оказывает невиновному агенту содействие [Там же, с. 79–80].

Кардинальным образом меняет подход к определению места нормы о посредственном причинении в теории Общей части уголовного права Р. Р. Галиакбаров. Прежде всего хотелось бы обратить внимание на совершенно иной концептуальный подход автора к учению о соучастии. Согласно позиции автора и традиционное соучастие, и неосторожное сопричинение преступного результата усилиями нескольких лиц, и объективное групповое исполнение преступного посягательства, когда объективная сторона выполняется субъектом и лицом, не подлежащим ответственности, и другие варианты стечения нескольких лиц в совершении преступления необходимо считать составными частями юридического явления более глобального характера, которое Р. Р. Галиакбаров предлагает именовать «множественностью участников одного преступления». Посредственное причинение, кстати, очень схожее с «объективной группой», ученый к одной из возможных форм этого глобального явления не относит, но считает сходным явлением, связанным со стечением нескольких лиц в одном преступлении [3, с. 8, 80].

Само посредственное причинение Р. Р. Галиакбаров определяет как совершение субъектом преступления через лиц, которые действуют невиновно или не обладают признаками субъекта преступления. Несмотря на то что посредственное причинение имеет сходство со множественностью лиц, совершающих преступление,

на самом деле множественности участников в такой форме поведения нет. Нет его потому, что фактически преступление выполняется одним лицом. При этом это единственное лицо в уголовно-правовом смысле рассматривается как исполнитель, и он не является подстрекателем, с которым очень сходно его поведение. Согласно точке зрения Р. Р. Галиакбарова, здесь налицо «самостоятельная форма опасного поведения, вызывающая правовые последствия, характерные для реального исполнителя преступления» [Там же, с. 83–84].

Однако совместность совершения преступления, пусть и не определяющая понятия множественности участников преступления, все-таки в ситуации посредственного причинения присутствует. «В посредственном причинении, – пишет исследователь, – в границах одного преступления проявляется общественно опасное поведение двух лиц... При этом само преступление выполняется субъектом только усилиями невиновно действующего лица...» [Там же, с. 84].

От соучастия, как еще одной формы множественности участников одного преступления посредственное причинение отличается отсутствием такого объективного признака соучастия, как множественность лиц, обладающих признаками субъекта преступления. С субъективной же стороны посредственное причинение характеризуется наличием осознания у лица, привлекающего к совершению преступления другое лицо, отсутствия у привлекаемого «надлежащих юридических признаков» [Там же]. Кроме того, Р. Р. Галиакбаров четко выделяет правовые последствия посредственного причинения, т. е. фактически определяет признаки данного института. Первое последствие выражается в том, что посредственный причинитель несет юридическую ответственность, установленную для исполнителя преступления в полном объеме, включая все возможные вредные последствия от действий привлеченных лиц. В ряде случаев посредственное причинение может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее ответственность, например, привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, или лиц, страдающих психическими расстройствами. Посредственное причинение исключается, если лицо, привлекающее невиновного агента, само является не подлежащим уголовной ответственности по различным основаниям [Там же, с. 85].

Определенный интерес представляет исследование И. Р. Харитоновой, которая среди форм

неосторожного сопричинения вреда выделяет, наряду с иными, неосторожное «посредственное причинение». «В литературе, – пишет исследователь, – существуют значительные расхождения в понимании юридической сущности неосторожного сопричинения. Изучение судебной практики показало, что не все формы причинения преступного результата несколькими лицами к нему относятся. Среди возможных вариантов неосторожного поведения, проявляющихся в одном событии, автор выделяет: 1) единолично совершенное неосторожное преступление, 2) неосторожное посредственное причинение, 3) стечение нескольких разобщенных и единолично выполненных неосторожных преступлений, в силу ситуации повлекших один результат, 4) совершение в ходе совместной деятельности нескольких лиц одним из субъектов одного неосторожного преступления, 5) совершение каждым из совместно действующих субъектов самостоятельного неосторожного преступления, 6) неосторожное сопричинение преступного результата» [22, с. 11]. Именно потому, что неосторожное сопричинение является единым преступлением, оно отличается от иных перечисленных форм стечения нескольких лиц в одном преступлении с неосторожной формой вины. Неосторожное посредственное причинение, таким образом, представляет собой юридическую комбинацию, при которой неосторожные действия одного лица завершаются невиновным причинением вреда другим лицом.

Нужно заметить, что в 90-е гг. в учебной литературе встречались вполне содержательные позиции, касающиеся посредственного причинения. В них было не только само упоминание о посредственном причинении как теоретической конструкции, но и конкретные примеры из судебной практики. Так, Н. П. Берестовой отмечает, что соучастие отсутствует тогда, когда при минимально необходимом для соучастия количестве лиц (два человека) одно из них в силу определенных причин не подлежит уголовной ответственности. В таком случае возможна ситуация, которую он именует посредственным исполнением [1, с. 5]. Само посредственное исполнение Н. П. Берестовой определяет как умышленное использование другого лица, которое при данных обстоятельствах не может являться субъектом преступления, и рассматривает его в тесной связи с исполнительскими действиями. Кроме того, рассуждая о принуждающих способах подстрекательства, исследователь утверждает, что у принуждаемого должна

быть свобода выбора поведения для сознательного решения вопроса о своем участии в преступлении. В тех случаях, когда привлекаемое лицо лишается возможности проявить свою волю, нельзя говорить о подстрекательстве. «Что же касается лица, к которому такие средства воздействия применены, – пишет Н. П. Берестовой, – то оно может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет установлено, что действовало в условиях крайней необходимости или исполняло обязательный приказ, не сознавая его противозаконности. Аналогично решается вопрос и в случае обманных действий, при которых искажаются представления лица о юридических признаках совершаемых в результате обмана действий» [Там же, с. 21].

Рассматривалось посредственное причинение в советский период развития права и с криминологических позиций. И если, например, Н. Г. Угрехелидзе [21] не уделяет внимание в своей работе посредственному причинению, то совершенно иначе к этому вопросу подходят У. С. Джекебаев, Л. М. Вайсберг и Р. Н. Судакowa. «Криминологию, – пишут указанные авторы, – посредственное причинение интересует не только для уяснения механизма функционирования преступных групп, но и с точки зрения разработки мер борьбы с вовлечением малолетних в преступную деятельность, что входит в предмет науки криминологии» [5, с. 14].

В 1991 г. перестало существовать Советское государство. Однако советское уголовное законодательство и право еще действовали до вступления в силу нового Уголовного кодекса 1996 г. Пять лет, которые предшествовали этому, были наполнены проектными работами и рефлексией научного сообщества по поводу того, каким должно быть это новое уголовное право России. В учебном пособии под названием «Новое уголовное право России», которое основывалось на одном из проектов нового УК РФ, авторы отмечают, что в соответствии со ст. 34 этого проекта при посредственном причинении соучастие отсутствует в силу того, что лицо исполняет преступление с использованием других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста и невменяемости [11, с. 57].

Интересной представляется позиция И. М. Тяжковой, автора главы о соучастии учебника по Общей части уголовного права МГУ 1993 г. Не считая посредственное причинение соучастием, она отмечает, что под посредственным причинением в уголовном праве понимает общественно опасная деятельность субъекта,

выполняющего объективную сторону состава преступления, при которой он умышленно для достижения своих преступных целей использует в качестве орудия преступления другое физическое лицо, не обладающее общими или специальными признаками субъекта преступления. Определение более чем конкретно. Во-первых, посредственный причинитель, по мнению авторов, будет и тогда, когда специальный субъект для совершения преступления использует субъекта общего. Во-вторых, посредственное причинение может быть только умышленным. В-третьих, в качестве «орудия» совершения преступления может быть использовано только физическое лицо, не подлежащее уголовной ответственности по тем или иным основаниям [17, с. 188].

Считает, что нет соучастия в том случае, когда отсутствуют в уголовно-правовом смысле два или более лица, так как в этом случае нет объективного признака соучастия, Ю. А. Красиков. «В этих случаях, – пишет автор, – подстрекатель или пособник малолетнего или душевнобольного должны нести уголовную ответственность, как за непосредственное совершение преступления, орудием совершения которого являлись малолетний или невменяемый... Подстрекательство и пособничество указанным лицам в совершении общественно опасных деяний следует рассматривать как посредственное виновничество (разновидность посредственного причинения)» [19, с. 285]. Здесь Ю. А. Красиков структурирует посредственное причинение таким образом, что можно выделить его разновидности. Так, если подстрекатель и пособник вдвоем используют лицо, не подлежащее уголовной ответственности, то они оба отвечают как соисполнители, что, по мнению ученого, и является посредственным виновничеством как разновидностью посредственного причинения.

Таким образом, можно заключить следующее. Норма о посредственном причинении, после относительно небольшого промежутка времени в период становления Советского государства, вновь начинает появляться на страницах уголовно-правовых произведений. И вновь рассматривается посредственное причинение преимущественно в аспекте неудавшегося подстрекательства. В этом чувствуется определенная «правовая инерция». Однако в послевоенные годы исследователи все чаще упоминают о посредственном причинении в первую очередь в аспекте исполнительских действий, а затем уже в аспекте «неприменимых» способов подстрекательства.

В 60-х гг. посредственное причинение начинает рассматриваться достаточно подробно, осуществляется попытка определить правовую природу данной юридической конструкции, ее признаков и места в теории Общей части уголовного права. В 80-х гг. исследования, посвященные посредственному причинению, приобретают новый импульс в связи с рассмотрением данного юридического явления как вполне самостоятельного, отличного от института соучастия. Формулируются различные определения данного понятия, осуществляются дискуссии по поводу круга оснований посредственного причинения. К ним в разное время относятся: отсутствие признаков субъекта преступления (возраст, невменяемость); введение в заблуждение относительно характера совершаемых действий; физическое насилие, исключающее волевое поведение лица; исполнение приказа; ситуация крайней необходимости; невиновное причинение вреда; состояние гипноза или непреодолимой силы. Помимо данных оснований, не вызывающих серьезных споров, упоминаются еще несколько, по поводу которых не утихают споры об их относимости к посредственному причинению. В частности, это касается совершения неосторожного преступления и использования для выполнения объективной стороны состава специальным субъектом субъекта общего. Особый интерес представляет выделение видов посредственного причинения, исходя из различных оснований деления. Так, например, по форме вины советские исследователи выделяли умышленное посредственное причинение и неосторожное посредственное причинение. Исходя из количества лиц, привлекающих невиновного агента – посредственное соисполнительство (совиновничество) и посредственное исполнение. Кроме того, необходимо отметить еще одну тенденцию, проскальзывающую в ряде работ. Это использование в качестве «причинителей» вреда различных предметов или животных. В современном уголовном праве России эта тенденция не получила закрепление, так как и непосредственное применение орудий или средств совершения преступления, и создание условий для их опосредованного использования рассматриваются как непосредственное причинение вреда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берестовой Н. П. Соучастие в преступлении и особенности установления его признаков в условиях деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие. М. : Моск. спец. сред. шк. милиции МВД СССР, 1990. 47 с.

2. Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / АН УССР. Ин-т государства и права. Киев : Наукова думка, 1969. 216 с.
3. Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия : учеб. пособие. Хабаровск : Хабаров. высш. шк. МВД СССР, 1987. 96 с.
4. Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1959. 256 с.
5. Джекебаев У. С., Вайсберг Л. М., Судакова Р. Н. Соучастие в преступлении. (Криминологические и уголовно-правовые проблемы). Алма-Ата : Наука КазССР, 1981. 148 с.
6. Зелинский А. Ф. Соучастие в преступлении: лекция. Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1971. 41 с.
7. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия / под ред. М. А. Ефимова. Свердловск : [Б. и.], 1960. 288 с.
8. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 2. Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности / под ред. М. А. Ефимова. Свердловск : [Б. и.], 1962. 276 с.
9. Меньшагин В. Д., Вышинская З. А. Советское уголовное право. М. : Госюриздат, 1950. – 519 с.
10. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного Кодекса СССР. Части Общая и Особенная. Одесса : Вторая гос. тип. им. т. Ленина, 1924. 292 с.
11. Новое уголовное право России : учеб. пособие. М. : Зерцало : ТЕИС, 1995. 168 с.
12. Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М. : Гос. изд-во, 1924. – 235 с.
13. Познышев С. В. Учебник уголовного права. Очерк основных начал общей и особенной части уголовного права. Общая часть. М. : Изд-во Наркомюста, 1924. – 280 с.
14. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. 2. Уголовное право. Уголовный процесс / под ред. И. Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. 214 с.
15. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М. : Юрид. лит., 1974. 208 с.
16. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 158 с.
17. Уголовное право. Общая часть. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. 368 с.
18. Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. – 284 с.
19. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. М. : Юрид. лит., 1994. 536 с.
20. Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий. Общая часть. М. : Право и жизнь, 1924. 148 с.
21. Угрехелидзе, Н. Г. Криминологическая характеристика соучастия в преступлении. Тбилиси : Мецниереба, 1975. 112 с.
22. Харитонов И. Р. Неосторожное сопричастие в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1985. 15 с.
23. Berestovoy N.P. *Souchastie v prestuplenii i osobennosti ustanovleniya ego priznakov v usloviyakh deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Complicity in a crime and features of establishing its signs in the activities of internal affairs bodies]. Moscow, Moskovskaya spetsial'naya srednyaya shkola militsii MVD SSSR, 1990, 47 p. (in Russian)
24. Burchak F.G. *Uchenie o souchastii po sovetskemu ugovolnomu pravu* [The doctrine of complicity in Soviet criminal law]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1969, 216 p. (in Russian)
25. Galiakbarov R.R. *Kvalifikatsiya mnogosub'ektnykh prestupleniy bez priznakov souchastiya* [Qualification of multi-subject crimes without signs of complicity]. Khabarovsk: Khabarovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1987. 96 p. (in Russian)
26. Grishaev P.I., Krieger G.A. *Souchastie po sovetskemu ugovolnomu pravu* [Complicity in Soviet criminal law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959, 256 p. (in Russian)
27. Dzhekebaev U.S., Vaysberg L.M., Sudakova R.N. *Souchastie v prestuplenii. (Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye problemy)* [Complicity in crime. (Criminological and criminal law problems)]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., 1981, 148 p. (in Russian)
28. Zelinskiy A. F. *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in crime]. Volgograd, Vysshaya sledstvennaya shkola MVD SSSR Publ., 1971, 41 p. (in Russian)
29. Kovalev M.I. *Souchastie v prestuplenii. Chast 1. Ponyatie souchastiya* [Complicity in crime. Part 1. Concept of complicity]. Sverdlovsk, 1960, 288 p. (in Russian)
30. Kovalev M.I. *Souchastie v prestuplenii. Chast 2. Vidy souchastnikov i formy uchastiya v prestupnoy deyatel'nosti* [Complicity in crime. Part 2. Types of accomplices and forms of participation in criminal activity]. Sverdlovsk, 1962, 276 p. (in Russian)
31. Men'shagin V.D., Vyshinskaya Z.A. *Sovetskoe ugovolnoe pravo* [Soviet criminal law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1950, 519 p. (in Russian)
32. Nemirovskiy E. Ya. *Sovetskoe ugovolnoe pravo. Posobie k izucheniyu nauki ugovolnogo prava i deystvuyushchego Ugovolnogo Kodeksa SSSR. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Soviet criminal law. A guide to the study of the science of criminal law and the current Criminal Code of the USSR. General and Special Parts]. Odessa, Vtoraya gosudarstvennaya tipografiya im. t. Lenin Publ., 1924, 292 p. (in Russian)
33. *Novoe ugovolnoe pravo Rossii* [New criminal law of Russia]. Moscow, Zertsalo Publ., TEIS Publ., 1995, 168 p. (in Russian)
34. Piontkovskiy A.A. *Ugovolnoe pravo RSFSR. Obshchaya chast* [Criminal law of the RSFSR. General part]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924, 235 p. (in Russian)
35. Poznyshev S. V. *Uchebnik ugovolnogo prava. Ocherk osnovnykh nachal obshchey i osobennoy chasti ugovolnogo prava. Obshchaya chast* [Textbook of criminal law. Essay on the basic principles of the general and special parts of criminal law. General part]. Moscow, Narkomyust Publ., 1924, 280 p. (in Russian)
36. *Sovetskoe pravo v period Velikoy Otechestvennoy voyny. Chast 2. Ugovolnoe pravo. Ugolovnyy protsess* [Soviet law during the Great Patriotic War. Part II. Criminal law. Criminal procedure]. Ed. by I.T. Golyakov. Moscow, Ministerstvo yustitsii SSSR Publ., 1948, 214 p. (in Russian)
37. Telnov P.F. *Otvetstvennost za souchastie v prestuplenii* [Responsibility for complicity in crime]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1974, 208 p. (in Russian)
38. Traynin A. N. *Uchenie o souchastii* [The doctrine of complicity]. Moscow, NKYu SSSR Publ., 1941, 158 p. (in Russian)
39. *Ugovolnoe pravo. Obshchaya chast* [Criminal law. General part]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1993, 368 p. (in Russian)
40. *Ugovolnoe pravo. Obshchaya chast* [Criminal law. General part]. Ed. by I.T. Golyakov. Moscow, NKYu SSSR Publ., 1943, 284 p. (in Russian)
41. *Ugovolnoe pravo. Obshchaya chast* [Criminal law. General part]. Ed. by B.V. Zdravomyslov, Yu. A. Krasikov, A.I. Rarog. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1994, 536 p. (in Russian)
42. *Ugolovnyy kodeks RSFSR. Prakticheskiy kommentariy. Obshchaya chast* [Criminal Code of the RSFSR. Practical commentary. General part]. Moscow, Pravo i zhizn Publ., 1924, 148 p. (in Russian)
43. Ugrekheldze N.G. *Kriminologicheskaya kharakteristika souchastiya v prestuplenii* [Criminological characteristics of complicity in crime]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1975, 112 p. (in Russian)
44. Kharitonova I.R. *Neostorozhnoe soprichastie v sovetskom ugovolnom prave* [Negligent complicity in Soviet criminal law]... Cand. sci. diss. abstr. Sverdlovsk, 1985, 15 p. (in Russian)

REFERENCES

1. Berestovoy N.P. *Souchastie v prestuplenii i osobennosti ustanovleniya ego priznakov v usloviyakh deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Complicity in a crime and features of establishing its signs in the activities of internal affairs bodies]. Moscow, Moskovskaya spetsial'naya srednyaya shkola militsii MVD SSSR, 1990, 47 p. (in Russian)
2. Burchak F.G. *Uchenie o souchastii po sovetskemu ugovolnomu pravu* [The doctrine of complicity in Soviet criminal law]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1969, 216 p. (in Russian)
3. Galiakbarov R.R. *Kvalifikatsiya mnogosub'ektnykh prestupleniy bez priznakov souchastiya* [Qualification of multi-subject crimes without signs of complicity]. Khabarovsk: Khabarovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1987. 96 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 07.05.2026; одобрена после рецензирования 11.07.2026; принята к публикации 13.08.2026

Received on 07.05.2026; approved on 11.07.2026; accepted for publication on 13.08.2026

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0001-8811-937X, РИНЦ Author ID: 525295, Researcher ID: ABE-9081-2021, e-mail: georg-crime@yandex.ru

Georgievskiy Eduard Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-8811-937X, RSCI Author ID: 525295, Researcher ID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Кравцов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0001-5597-269X, РИНЦ Author ID: 355169, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Kravtsov Roman Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-5597-269X, RSCI Author ID: 355169, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Вклад авторов

Георгиевский Эдуард Викторович – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи (внесение замечаний интеллектуального содержания), написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.

Кравцов Роман Владимирович – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи (внесение замечаний интеллектуального содержания), написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.